

—

XIV.

Столь таинственное и эффектное появление было обречено на то, чтобы приковать к себе взгляды всех присутствующих. У многих невольно перехватило дыхание.

Белая вуаль взметнулась и опала, а изящные ступни мягко опустились на крышу центрального павильона.

Налетевший с обрыва влажный ветер колыхнул подол её белоснежного платья, заставив его пуститься в пляс. В этой сцене она предстала подобно небожительнице, спустившейся в мир смертных из небесных чертогов Девятого неба — столь неземная и чистая, что на неё не смели взглянуть с вожделением.

Этой девой в белом была не кто иная, как Сяо Ханьсинь, с которой Гу Сьюань и Се Чэньюнь уже однажды встречались в поместье семьи Се в Цзиньлине.

Однако, в отличие от того дня, когда на ней был простой наряд и она лишь мельком показалась им, сегодняшнее облачение и само появление были явно тщательно продуманы. Её красота и грация сияли еще ярче, заставляя сердца людей трепетать, а взоры — замороженно следовать за ней.

Увидев, что Тан Шэн тоже широко раскрыл глаза и остолбенело смотрит на незнакомку, У Маньэр недовольно надула губы:

— Брат Тан!

Се Чэньюнь искоса взглянул на Гу Сьюаня и, вспомнив его былую репутацию и повадки охотника до женской красоты, намеренно спросил:

— Хороша?

— Недурна, — честно кивнул Гу Сьюань.

Се Чэньюнь уже готов был вспыхнуть гневом.

Однако в следующий миг он услышал продолжение:

— Судя по её появлению, мастерство этой девы и впрямь на высоте. Даже Чжао Тяньцзун, которого только что величали первым среди молодого поколения, вряд ли выстоит против неё.

Гу Сьюань повернулся к Се Чэньюню и бесстрастно спросил:

— Как думаешь, ты бы справился?

— ... — Се Чэньюнь.

Се Чэньюнь не знал, плакать ему или смеяться, но на душе стало невероятно тепло. Он кивнул и признался совершенно искренне:

— С Чжао Тяньцзуном у нас шансы примерно пятьдесят на пятьдесят, так что против неё я,

пожалуй, тоже не выстою. Но я практикую «Священный канон Нирваны» всего три месяца. Дай мне еще столько же — и тогда посмотрим.

Гу Сьюань посмотрел на него и кивнул:

— Хорошо, что ты стремишься к самосовершенствованию.

— ... — Се Чэньюнь.

«С таким видом это говоришь, будто сам её одолеешь!» — подумал он.

Но тут Гу Сьюань снова бросил на него быстрый взгляд и невозмутимо добавил:

— Но ты красивее.

Се Чэньюнь оторопел:

— А?..

К чему это он вдруг?

Однако Гу Сьюань уже отвернулся, и со спины казалось, будто он даже немного смущен.

Се Чэньюнь подпер подбородок рукой и несколько раз хлопнул глазами. Затем густой румянец медленно залил его щеки и уши. До него наконец дошло, что значила эта внезапная фраза. Этот «тиран»... право слово, хоть и любит напускать на себя важный вид, но как же мастерски он умеет льстить!

Тем временем Сяо Ханьсинь начала свою речь.

Взирая на толпу с крыши павильона, она медленно произнесла голосом, нежным, как весенние воды:

— Ханьсинь, будучи недостойной преемницей Дворца Тяньвай, имеет честь вести нынешнее Собрание Героев и видеть здесь столько выдающихся мужей Поднебесной...

— Ай, ну к чему столько лишних слов? Зачем прикрываться каким-то «собранием героев»? Тут все свои, все прекрасно знают, кто есть кто. Все собравшиеся здесь пришли ради Императорской печати. Не соизволит ли дева Ханьсинь ответить: она при вас?

В этот момент резкий, диссонирующий голос бесцеремонно прервал её.

Взоры всех присутствующих обратились к говорившему. В глубине души многие соглашались: «Верно сказано, доставай уже печать...» Но в то же время им казалось, что этот человек ведет себя крайне невежливо. Дворец Тяньвай — это святыня боевых искусств, почитаемая всеми, не говоря уже о красоте Сяо Ханьсинь. Как можно быть столь грубым?

Разглядев, что говорил здоровяк с кувшином вина, сидевший среди людей секты Юйхо и клана Сун, толпа поспешно отвела взгляды. Мало того, что клан Сун — один из влиятельнейших домов Великой Чжоу, так еще и глава секты Юйхо, Сун Уди, является одним из трех великих врожденных мастеров — Сяньтянь. Ссориться с ними никто не желал.

Внезапно прерванная, Сяо Ханьсинь, разумеется, была не в лучшем расположении духа. Однако она не была обычной девушкой. Выдержав паузу, она слегка приподняла уголки губ, и

её голос зазвучал еще чище:

— Ханьсинь лишь недавно ступила в этот мир и из чистого любопытства, увидев столько героев, хотела лишь выразить им свое почтение. Но раз этот герой столь нетерпелив, как я могу продолжать докучать вам речами?

После этих слов на здоровяка обрушились взгляды, острые как ножи — толпа сурово осуждала его за то, что он так беспардонно обошелся с красавицей.

Впрочем, человек, который позволяет себе прилюдно пить из горла, явно не отличался коротким нравом. Он проигнорировал эти взгляды и продолжил в своей манере:

— Очень хорошо, что дева Ханьсинь понимает суть дела. Тогда скажите прямо: кому вы отдадите печать, как и на каких условиях? Давайте уже выкладывайте план. Мы здесь люди уважаемые, пришли спозаранку, прождали полдня — и пришли мы не за тем, чтобы смотреть на ваши акробатические трюки.

Если первые слова еще можно было списать на прямолинейность характера, то это уже была открытая провокация. Присутствующие лидеры, умудренные годами интриг, мгновенно смекнули: этот здоровяк явно затаил на Дворец Тяньвай и Сяо Ханьсинь глубокую обиду. Неужели секта Юйхо и клан Сун решили отказаться от претензий на печать? Известно, что клан Сун всегда был самым верным оплотом династии Чжоу... Быть может, сегодня они прибыли сюда специально, чтобы сорвать собрание?

Лица четырех девушек в черном, державших музыкальные инструменты, потемнели. Сяо Ханьсинь не сделала ни одного лишнего движения. Она лишь мягко посмотрела на выпивоху. В лучах солнца её ясные глаза казались мерцающими звездами — туманными и призрачными.

Здоровяк внезапно вздрогнул всем телом. В его сознание будто ударил невидимый тяжелый молот, и лицо его вмиг стало мертвенно-бледным. Люди из секты Юйхо, заметив его состояние, тут же бросились к нему в сильной тревоге.

Но тут раздался звонкий музыкальный звук, живой и приятный слуху. Хоть он был и негромким, казалось, он донесся с небес, очищая душу и утихомиривая боль.

Здоровяку мгновенно стало легче, и он пришел в себя. Со лба его катился холодный пот, но в целом он был невредим и с облегчением выдохнул.

Сяо Ханьсинь слегка нахмурилась и посмотрела в ту сторону, откуда донесся звук.

Оказалось, старый знакомый. Её прекрасные глаза сузились, когда она перевела на него взгляд.

Гу Сьюань ощутил мощное давление и лишь приподнял бровь. Решила применить тот же трюк на нем?

То, что использовала Сяо Ханьсинь, было странной техникой воздействия на разум через зрение, сродни известным в мире боевых искусств «техникам звукового поражения». Очевидно, именно благодаря этим знаниям Дворец Тяньвай годами сохранял ореол таинственности и превосходства.

Вот только воля Гу Сьюаня была крепче, чем у любого человека в этом мире. Его осанка осталась безупречной, взгляд — твердым. Листок вечнозеленого дуба всё еще касался его губ,

и под виртуозным движением пальцев начала рождаться удивительно свежая и безмятежная деревенская мелодия.

Она не была столь пафосной, как аккомпанемент четырех дев в черном, но по части техники исполнения даже превосходила их. Слушая эту чудесную музыку, многие присутствующие даже начали невольно притопывать в такт.

Сяо Ханьсинь почувствовала, как её сознание на мгновение содрогнулось. Ей пришлось закрыть глаза и выждать добрую минуту, прежде чем она смогла прийти в себя.

Она посмотрела на Гу Сьюаня, и на этот раз в её взгляде читалось подлинное раздражение. Техника «Духовного взора» Дворца Тяньвай, которая прежде никогда не давала осечек, внезапно оказалась бессильной. К тому же, она отчетливо помнила, что еще несколько месяцев назад этот человек был обычным обывателем, не владеющим и зачатками боевых искусств.

Помолчав мгновение, она заставила себя выдавить легкую улыбку:

— Сегодня здесь и впрямь собрались выдающиеся люди. Вы столь молоды, господин, но способны исполнять мелодии, исполненные столь глубокого смысла. Поистине, герои познаются в юности. Полагаю, среди сверстников вам нет равных?

Как говорится: в литературе нет первых, в боевых искусствах нет вторых. Эти слова были не просто похвалой — они были ядом. Едва они прозвучали, как почти все молодые люди на площади устались на Гу Сьюаня с нескрываемым неприятием.

Гу Сьюань же, словно не замечая этого, продолжал задумчиво вертеть в руках лист. Се Чэньюнь лишь усмехнулся, с презрением окинув взглядом Сяо Ханьсинь и толпу. «Это стадо тупиц еще смеет сравнивать себя с моим Гу Сьюанем».

Тан Шэн, видя холодное высокомерие Гу Сьюаня, почувствовал, как в нем закипает ярость. Сяо Ханьсинь была женщиной, которую он готов был носить на руках, а этот человек смеет так нагло её игнорировать! Разве это не выставляло его самого в еще более невыгодном свете? Больше всего он ненавидел то, что Гу Сьюань всегда держался так, словно он выше всех остальных.

Помрачнев, Тан Шэн намеренно громко произнес:

— Брат Гу, дева Ханьсинь обращается к тебе. Такое игнорирование — верх невоспитанности, не находишь?

Мелодия смолкла. Гу Сьюань медленно потирал лист между пальцами. Его лицо оставалось бесстрастным, а голос прозвучал еще более холодно:

— Прошу прощения. У меня с детства шея слишком благородная и хрупкая, а потому я не привык задирать голову, чтобы разговаривать с людьми.

Будучи императором, он привык восседать на возвышении, и единственное, что ему было ведомо — это взирать на подданных свысока. Эти слова заставили многих присутствующих почувствовать себя неловко. Те, кто пришел сюда бороться за печать и власть над миром — разве они сами не считали себя благородными особами? Почему же эта дева из Дворца Тяньвай нарочно встала на крышу павильона, заставляя их смотреть на себя снизу вверх, словно они были простыми пешками?

Сяо Ханьсинь почувствовала на себе сотни колючих взглядов. В душе у неё накопилась невыразимая обида. Однако теперь у неё не было иного выбора, кроме как спуститься. Она глубоко взглянула на Гу Сьюаня и, едва коснувшись носками туфель крыши, вспорхнула вниз. Её приземление в центре площади было безупречным — она напоминала фею, скользящую по волнам.

Эта грация была столь пленительной, что присутствующие снова оказались покорены, мгновенно забыв о недавнем недовольстве. Сяо Ханьсинь была удовлетворена эффектом. Она перевела взгляд на Гу Сьюаня и, чуть приоткрыв алые губы, произнесла с видом невинно обиженной девы:

— Теперь-то молодой господин доволен?

Гу Сьюань окинул её коротким взглядом:

— При чем здесь моё довольство? Я лишь благодарен, что вы вошли в положение тех, чьи шеи так же благородны, как и моя. Дворец Тяньвай и впрямь оправдывает звание святыни — здесь знают, что такое почтение к старшим и милосердие к слабым.

— ... — Сяо Ханьсинь.

В этот момент ей больше всего на свете хотелось придушить его на месте.

Се Чэньюнь опустил голову, сдерживая смех. Уж он-то знал: список людей, которых Гу Сьюань довел до исступления парой фраз, не ограничивается им самим и тем старым псом Вэй Чжэнцином.

Гу Сьюань продолжал:

— Что же до вашего вопроса — у меня нет учителей, я играю так, как велит сердце. Впрочем, не стоит заикливаться на таких мелочах. Сегодня всех здесь заботит лишь Императорская печать. Деве Ханьсинь лучше поскорее разъяснить правила её передачи.

Толпа согласно загудела:

— Верно, верно! Дева Ханьсинь, если хотите обсудить музыку — времени будет предостаточно позже. Сейчас давайте о деле. Как решится судьба печати?

— Раз мы люди боевых искусств, может, просто устроим поединок? — предложил кто-то.

— И как это будет выглядеть? Сколько раундов? Кого выставить? Тогда печать достанется только великим сектам!

Сяо Ханьсинь недовольно нахмурилась, глядя на этот балаган, напоминающий базарную площадь. Она выпрямилась и заговорила звонко и уверенно:

— С момента своего основания Дворец Тяньвай видел своей целью поиск мудрого правителя ради блага народа. Если бы всё решалось грубой силой, то кому бы уступил глава нашего Дворца? К чему тогда были бы все эти хлопоты?

Площадь мгновенно притихла. Помня недавнюю демонстрацию силы самой Сяо Ханьсинь, все понимали: глава Дворца наверняка является мастером Сяньтянь высочайшего уровня.

Се Чэньюнь, скрестив руки, холодно усмехнулся:

— Раз это не боевое испытание, значит, гражданское? Вы хотите выбрать достойного по его талантам? Но каков критерий? Может, раздадите нам всем бумагу и кисти, чтобы мы прямо здесь написали трактаты о государственном управлении и пути истинного монарха? И чей слог окажется краше, тот и будет объявлен мудрым правителем?

Слова вызвали новый шквал ропота. Просить людей боевых искусств написать секретную технику — это одно, но трактат о политике? Это же курам на смех!

Сяо Ханьсинь бросила на Се Чэньюня взгляд, полный легкого превосходства:

— Вы излишне тревожитесь, молодой господин. Святыня не действует столь опрометчиво. Истинный путь — в единстве знания и действия. Мы должны не только услышать о методах правления, но и увидеть, как человек ведет себя в делах и в жизни. Лишь сочетание этих качеств являет нам мудрого монарха.

Гу Сьюань поднял глаза:

— Как говорится, чужая душа — потемки. Увидеть истинное лицо человека в повседневности — задача не из легких. Можете ли вы гарантировать отсутствие ошибок?

Сяо Ханьсинь твердо ответила:

— Святыня тайно вела наблюдения в течение долгого времени. Ошибки исключены. За многие века Дворец Тяньвай еще ни разу не ошибся.

— Раз Святыня дает такие гарантии, то нам остается лишь довериться, — Гу Сьюань коротко кивнул.

Сяо Ханьсинь облегченно выдохнула, решив, что он наконец-то перестал придирааться. Эти двое были на редкость утомительными собеседниками. Однако в тишине снова раздался ледяной голос Гу Сьюаня:

— Действительно, учитывая осторожность Дворца Тяньвай, вы бы не стали проводить столь важное дело наспех. Наблюдение за лидерами и героями наверняка началось задолго до сегодняшнего дня. А это значит... что еще до начала этого собрания у Дворца Тяньвай — и у вас, дева, в частности — уже был на примете кандидат, которому вы намерены передать печать. Я прав?

Эти слова возымели эффект разорвавшейся бомбы. Сначала на площади воцарилась гробовая тишина, а мгновение спустя поднялся невообразимый шум.

— Что?!

— Неужели всё уже решено заранее?

— Это правда?!

Почти все присутствующие нахмурились, их лица исказились от негодования. Это было уже чересчур. Если Дворец Тяньвай уже выбрал преемника, то стоило передать ему Императорскую печать в частном порядке. Зачем было созывать это собрание, заставляя стольких людей преодолевать тысячи ли, чтобы они послужили лишь живой декорацией или, того хуже, посмешищем?

Здесь собрались главы великих кланов, лидеры повстанческих армий, верхушка боевых сект — люди, привыкшие к почету и власти. Они вели себя столь смиренно и миролюбиво лишь ради шанса на печать. А теперь выходило, что их просто обвели вокруг пальца?

Взоры, устремленные на Сяо Ханьсинь, лишились всякого почтения к «преемнице Святыни» и восхищения перед красавицей. В них остались лишь бесконечное подозрение и враждебность.

В этот момент Сяо Ханьсинь была на грани ярости. Она впиалась взглядом в Гу Сьюаня. Этот человек казался холодным и немногословным, но каждое его слово разило как клинок, метя в самое уязвимое место и раз за разом выставляя Дворец Тяньвай и её лично в нелепом свете.

— Вы слишком торопитесь, молодой господин, — лишь спустя долгое время Сяо Ханьсинь справилась с эмоциями. На её лице вновь заиграла мягкая улыбка. — Выбор правителя от имени Небес — дело огромной важности. Дворец Тяньвай не страшится трудностей, действуя ради блага народа. Но посмотрите вокруг: каждый из присутствующих — выдающийся герой, чьи добродетели превосходят обыденные. Святыне было невероятно трудно сделать окончательный выбор, и именно поэтому мы созвали это собрание. Мы хотим услышать ваши идеи о правлении и пути монарха, чтобы в итоге вручить Императорскую печать тому герою, чья мудрость вызовет наибольшее уважение и признание.

После этих слов обстановка на площади немного разрядилась. Тан Шэн даже бросил на Гу Сьюаня торжествующий взгляд, предвкушая его замешательство. Но Гу Сьюань, разумеется, не был смущен. Его лицо оставалось бесстрастным.

Се Чэньюнь же не удержался от смешка:

— То есть, после всей этой высокопарной чепухи выходит, что раз все здесь присутствующие одинаково «хороши», то решать всё равно будут лишь подвешенный язык и умение красиво говорить? Хм, не слишком ли это легкомысленно? Красивые речи умеет толкать каждый, а вот управлять государством дано не всем.

Сяо Ханьсинь за все свои годы не встречала столь невыносимых оппонентов. Её взгляд стал ледяным, а голос — колючим:

— Ханьсинь как раз хотела это отметить. Вы двое то и дело препираетесь со мной. В конечном счете, вы просто не согласны с многовековыми правилами Святыни? Имя Дворца Тяньвай не внушает вам доверия?

Тан Шэн, видя настрой Сяо Ханьсинь, тут же вскочил и заносчиво прикрикнул на них:

— Вы двое зашли слишком далеко в своих нападках на деву Ханьсинь! Если вас что-то не устраивает, можете просто покинуть собрание. К чему эта постыдная заносчивость и бесконечные придирки?

— Вы ошибаетесь, господа. Дворец Тяньвай стоит превыше суеты и печется о народе. В глубине души я искренне восхищаюсь ими.

Гу Сьюань посмотрел на Сяо Ханьсинь и Тан Шэна. Его облик был по-прежнему суров, а голос звучал ровно и твердо:

— Более того, я всецело поддерживаю право Святыни выбирать правителя. Я желаю, чтобы слава Святыни жила в веках, чтобы она всегда стояла на защите народа и выбирала мудрых монархов. Тот, кто идет против Святыни или выказывает ей недовольство — идет против меня и

Чэньюня. Мы этого не допустим.

Се Чэньюнь не совсем понимал, к чему клонит Гу Сыюань, но всё же согласно кивнул:

— Я тоже питаю к Святыне глубочайшее почтение.

Глаза Сяо Ханьсинь блеснули. Эти слова, сказанные при свидетелях, звучали очень весомо. Если бы их произнес кто-то другой, она бы только порадовалась, но из уст этой парочки они сулили лишь скрытую угрозу. Тем не менее, она не могла отступить.

Сяо Ханьсинь лучезарно улыбнулась и решила поймать их на слове:

— То, что господа разделяют наши убеждения — истинное благо для народа. Дворец Тяньвай благодарит вас за благородство. Слово благородного господина твердо как гора. Возможно, чуть позже нам действительно понадобится ваша поддержка.

«Стоит дать им палец — они и руку откусят. Уже начали раздавать поручения?» — холодно подумал Се Чэньюнь.

— Вы преувеличиваете, дева. Как говорится, когда разоряют гнездо — не уцелеют и яйца. Помочь народу — значит помочь самому себе.

Гу Сыюань оставался спокоен, но на полуслове его тон внезапно изменился. Он поднял голову и предельно искренне обратился к Сяо Ханьсинь:

— Именно потому, что это касается и меня лично... Я готов решительно поддержать Дворец Тяньвай, но прежде мне всё же нужно прояснить пару моментов.

Лицо Сяо Ханьсинь помрачнело. Она так и знала, что он не отстанет. Каждое его слово звучит сладко, но за ними кроется расчет, а в каждом предложении запрятана ловушка. И всё же... она не верила, что он сможет загнать её в угол. Она заставит его самого запутаться в собственных сетях.

С легкой улыбкой она мягко произнесла:

— Раз у вас есть вопросы, Ханьсинь не вправе отказывать в ответе. Надеюсь лишь, что вы не затянете время — здесь много героев, и я не могу посвятить всё свое время только вам.

Присутствующие наблюдали за ними с нескрываемым интересом. Хотя оба были молоды, они были незаурядны... Удары и контратаки следовали одна за другой, и никто не желал уступить. «Воины новой волны теснят стариков», — думали многие.

Гу Сыюань не обиделся на иронию. Он методично начал:

— Из нашего разговора я понял, что Святыня ищет для Императорской печати хозяина, который станет мудрым и милосердным героем, способным объединить Поднебесную. Однако... человеческая жизнь коротка, редко кто перешагивает столетний рубеж. Вспомните первого императора нашей династии Великая Чжоу — какой это был герой! Он отразил внешних врагов, объединил страну, положил конец трем векам хаоса, ввел систему экзаменов и открыл пути для талантов. Разве тогда весь мир не склонялся перед ним в благоговении?

Эти слова вызвали волнение среди великих кланов. Их предки когда-то вместе с первым императором завоевывали этот мир и прекрасно помнили его величие. Тот человек вел за

собой массы, и никто не смел поднять головы. А ведь со дня его смерти прошло всего четыре года...

— Но каким бы героем он ни был, он скончался, не дожив до семидесяти, и передал трон нынешнему императору. И что же? Государь оказался никчемным и слаб, что и привело нас к нынешнему положению? — продолжал Гу Сьюань.

Се Чэньюнь покосился на него. «Надо же, как вошел в роль — даже себя не жалеет ради дела. Силен!»

— Поэтому, даже если Святыня выберет истинного мудреца, как она может гарантировать мудрость его потомков? Что, если на смену придет такой же тиран, как нынешний, и мы снова увидим крах династии на втором поколении? Каков тогда смысл всего сегодняшнего действия? Или, может быть, когда наступит мир и избранный вами правитель отойдет в мир иной, Святыня снова будет решать вопрос престолонаследия?

После этих слов лицо Сяо Ханьсинь стало мертвенно-бледным. Её взгляд, устремленный на Гу Сьюаня, наполнился ледяной яростью — она готова была убить его на месте.

Святыня занимала столь высокое положение именно потому, что в мирные времена никогда не вмешивалась в дела государства. Поэтому императоры и великие кланы были готовы признавать их авторитет. Но если они начнут постоянно вмешиваться в политику и смену наследников, они мгновенно станут злейшими врагами любой династии. Ведь это означало бы, что монархи — лишь марионетки в руках Святыни...

Гу Сьюань ударил по самому больному — он подрывал репутацию и статус Дворца Тяньвай в самом их основании!

— Святыня является в мир лишь в эпоху хаоса. Разумеется, мы не будем вмешиваться в вопросы престолонаследия, — сквозь зубы отчеканила Сяо Ханьсинь.

Только после этого заявления взгляды толпы снова стали дружелюбнее. Се Чэньюнь, подперев голову рукой, насмешливо добавил:

— Но тогда это не отвечает на вопрос. Что делать, если второй правитель новой династии окажется никчемным тираном, ведущим страну к гибели?

Сяо Ханьсинь едва не прокусила губу. Она проигнорировала Се Чэньюня и обратилась напрямую к Гу Сьюаню, впервые не скрывая насмешки на своем прекрасном лице:

— Раз этот вопрос подняли вы, господин Гу, то каково же ваше мнение? Неужели стоит бросить всё как есть и позволить миру погрузиться в хаос?

Гу Сьюань лениво поднял взгляд:

— Разумеется, нет. Именно поэтому я твердо поддерживаю право Святыни на выбор мудрого монарха.

— И как же тогда быть? — ледяным тоном спросила она. Сяо Ханьсинь не верила, что кто-то способен контролировать будущее.

— Прежде чем ответить, мне нужно подтвердить еще один факт, — голос Гу Сьюаня был ровным. — Только что дева Ханьсинь лично подтвердила, что после долгих наблюдений

Святыня убедилась: все присутствующие здесь герои обладают выдающимися качествами, а их слова не расходятся с делом. По крайней мере, они точно лучше нынешнего никчемного императора Чжоу, верно?

Сяо Ханьсинь не видела причин отказываться от столь лестных слов в адрес присутствующих. Она величественно кивнула:

— Именно так. Все собравшиеся здесь — герои первого ранга, и они во сто крат лучше нынешнего тирана. Именно поэтому наш Дворец Тяньвай взял на себя миссию выбора правителя.

Тан Шэн тут же усмехнулся, саркастично добавив:

— Брат Гу, твой вопрос звучит глупо и невежественно. Здесь собрались истинные герои, а ты смеешь сравнивать нас с тем ничтожеством на троне? Не оскорбляй нас подобными сравнениями!

Се Чэньюнь вскинул брови, и в его глазах блеснула сталь. Гу Сьюань же и бровью не повелел. Он пристально посмотрел на Тан Шэна, который так любил вылезать вперед, и спросил:

— То есть, если сегодня выбор падет на тебя, брат Тан, ты совершенно точно будешь править лучше, чем нынешний император Великая Чжоу?

Глаза Тан Шэна вспыхнули.

— Безусловно.

Этот ответ зрел в его душе слишком долго. Стоило только коснуться этой темы, как слова сами хлынули наружу. Он подсознательно выпалил: — Если бы я стал правителем, я бы непременно...

Но тут он осекся, почувствовав на себе взгляды всей площади. Тан Шэн побледнел, осознав, что проявил излишнюю поспешность. Это было дурным знаком.

Гу Сьюань холодно усмехнулся и ободряюще развел руками:

— Брат Тан, не стесняйся, говори свободно. Нет ничего зазорного в том, чтобы обещать править лучше, чем тот тиран в Золотом дворце.

— ... — Се Чэньюнь уже готов был закатить глаза. «Надо же, так войти во вкус — ругать самого себя!»

Сяо Ханьсинь бросила на Гу Сьюаня подозрительный взгляд. Случайность ли это? Или он специально подвел к этому? Неужели он уже знает о выборе Дворца Тяньвай? Однако, глядя на его чересчур спокойное лицо, она усомнилась в своей подозрительности. Сяо Ханьсинь закусила губу и посмотрела на Тан Шэна — в его глазах читалось жгучее ожидание.

Поколебавшись мгновение, она приняла решение и едва заметно кивнула Тан Шэну. Тот мгновенно ощутил небывалое облегчение, за которым последовал восторг. Это был идеальный шанс заявить о себе, ведь Императорская печать и так должна была достаться ему.

Он нарочно поднялся со своего места и, обратившись к собравшимся, громко провозгласил:

— Я готов развеять сомнения брата Гу. То, что я только что выпалил, — дескать, справлюсь

лучше нынешнего тирана, — сказано не от жажды заполучить печать или трон. С тех пор как месяц назад я примкнул к восстанию моего приемного отца против Чжоу, единственное мое желание — чтобы в Поднебесной воцарился мир, а каждый простолюдин был сыт и жил в достатке.

— Стану я императором или нет — дело второстепенное! Поднебесная принадлежит не одному человеку, а всему народу. Если бы тот тиран, что сейчас в дворце, мог обеспечить людям достойную жизнь, разве не предпочел бы я участь мирного пса борьбе, в которой приходится проливать кровь и рисковать головой!

Его голос звучал звучно, а поза была исполнена достоинства. Однако на эту пламенную и искреннюю речь присутствующие отреагировали весьма скептически. Здесь собрались старые лисы, которых не проведешь красивыми словами. Кто же не умеет красиво говорить?

Впрочем, Гу Сьюань словно и не заметил фальши. Он даже слегка похлопал в ладоши в знак одобрения:

— Брат Тан, ваше благородство заслуживает восхищения. Полагаю, и помыслы Дворца Тяньвай при выборе мудрого монарха зиждутся на тех же принципах.

Сяо Ханьсинь тут же кивнула и мягко произнесла:

— Именно так. Наш Дворец Тяньвай обычно не вмешивается в мирские дела, но на этот раз наши ученики, не страшась тягот, странствуют по свету именно потому, что не могут безучастно взирать на страдания народа от деспотии и войн. Мы желаем поддержать мудрого правителя, вручить ему Императорскую печать, дабы он сплотил армии повстанцев, вернул мир в Поднебесную и принес благоденствие народу!

Гу Сьюань кивнул:

— Это замечательно. Раз и у Святыни, и у брата Тана одни и те же помыслы, то всё становится предельно просто.

— Что ты имеешь в виду?

Тан Шэн и Сяо Ханьсинь невольно нахмурились. В воздухе отчетливо запахло бедой.

— Раз брат Тан не придает большого значения императорскому титулу, а Святыня уверена, что сможет безошибочно выбрать мудрого монарха, — это же просто великолепно.

— Пусть на этот раз Святыня вручит Императорскую печать брату Тану. А когда лет через двадцать он состарится и силы его угаснут, он добровольно отречется от престола. Тогда Святыня вновь выйдет в мир и выберет нового мудрого правителя из числа всех людей Поднебесной. Разве это не лучший путь? Выбор монарха из миллионов достойных мужей явно вызовет больше доверия, чем передача власти кому-то из немногих потомков брата Тана...

— И впредь каждого правителя можно будет выбирать именно так. Пусть Святыне и придется утруждать себя спуском с гор каждые двадцать лет, зато каждый монарх будет мудрецом, а народ обретет вечный мир. Это того стоит!

Гу Сьюань говорил спокойно и размеренно. Но его слова прозвучали подобно грому среди ясного неба, буквально взорвав умы всех присутствующих.

— Что?!

Толпа взорвалась криками. Это же означало превращение «семейной империи» в империю, принадлежащую всему народу.

— Да как такое возможно?! — Тан Шэн тоже резко изменился в лице.

Как он мог отдать кому-то другому власть над Поднебесной, которую завоевал в столь тяжких трудах?

Гу Сьюань бросил на него недоуменный взгляд:

— А почему бы и нет? Брат Тан только что сам сказал, что трон его не заботит. Неужели ваши потомки не унаследуют от отца ни капли этого благородства?

— К тому же ваши слова о том, что Поднебесная принадлежит народу, прозвучали поистине оглушительно. Раз так, то и правителя всегда следует выбирать из этого самого народа, а не из одной конкретной семьи. Иначе чем это будет отличаться от нынешнего порядка, когда Поднебесная считается собственностью лишь одного рода!

—

<http://bllate.org/book/14483/1281666>